

ВЪ ДОЛИНАХЪ РѢКЪ ХИНГОУ И АРЗЫНГА.

Путевые очерки по Восточной Бухарѣ.

(Продолженіе) ¹⁾.

Глава IV.

Обычай горцевъ.—Кишлакъ Арзынгъ.—Преданіе объ
огнепоклонникахъ.

День былъ пасмурный и тучи нависли надъ долиною, придавая ей видъ коробки, закрытой со всѣхъ сторонъ горами, а сверху, будто потолокъ, быстро бѣгущими тучами. Умывшись холодною, прозрачною водою изъ протекавшаго черезъ дворъ ручья и сидя за чаемъ, мы снова увидѣли продолженіе тѣхъ же свадебныхъ обрядовъ, во многомъ напоминавшихъ древне-русскую народную свадьбу.

Всѣ вчерашніе гости были налицо и, тихо переговариваясь, столпились около навѣса, съ нетерпѣніемъ поджидая посланца отъ невѣсты. Каждый имѣлъ въ рукѣ или сосудъ съ водою или же горсть золы.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 2.

Наконецъ, изъ-за группы яблонь и кустарника, росшихъ около вѣзда въ кишлакъ, показался молодой таджикъ, медленно шедшій по направленію шахскаго двора и пытливо всматривавшійся въ ожидавшую его толпу.

— О Ша олямъ моджахтляръ (о князь міра я пригласитель), только что успѣлъ произнести онъ установленную обычаемъ фразу привѣтствія, какъ со всѣхъ сторонъ посыпалась на него, при громкомъ смѣхѣ, зола и полились изъ всѣхъ сосудовъ потоки воды.

Быстро безъ оглядки понесся обратно посланецъ, преслѣдуемый дружнымъ смѣхомъ всѣхъ собравшихся.

Мы сѣли на лошадей и одновременно съ нами подъ руки вывели невѣсту изъ сосѣдней сакли и посадили на покрытую богатою попоною лошадь.

Кто верхомъ на лошади, кто на ишагѣ, а кто и просто пѣшкомъ, вся толпа двинулась слѣдомъ за невѣстою.

Держа направленіе по рѣкѣ Хингоу, мы ѣхали невдалекѣ и, такимъ образомъ, какъ бы открывали собою торжественное шествіе. Дорога была сносная и поэтому можно было послѣ не вполнѣ хорошаго сна отдохнуть, дремля на сѣдлѣ.

На небольшой высотѣ по сторонамъ поднимались террасы, занятыя полями. Издали было видно, что пещера, о которой рассказывали намъ наканунѣ, закрыта почти вся большими арчевыми деревьями и кустарниками. Съ обѣихъ сторонъ рѣчной долины виднѣлись кишлаки, указывавшіе, что населеніе въ этой части довольно многочисленно. Кишлаки Лоджиркъ, Рехчъ были самыми ординарными горными селеніями таджикскаго типа, окруженные рѣкою и небольшою растительностью.

Невдалекѣ около Мадынгата свадебная толпа свернула въ сторону и, пройдя съ версту по небольшому ущелью, выѣхала на поляну, среди которой возвышался огромной величины и довольно странной формы сѣровато-красный камень.

— Что здѣсь такое, шахъ? заинтересовались мы, видя, что всѣ слѣзли на землю и широкимъ полукругомъ стали передъ камнемъ.

— Это, тюра, камень-хозреть. Еще наши далекіе предки совершали на немъ свои жертвы Аллаху и мы также не забываемъ здѣсь совершать свои молитвы Милосердному. Женщины же когда молятся, то на этотъ камень льютъ зыгорное масло (льняное). И если жертва угодна, то камень впитываетъ въ себя масло, а если нѣтъ—то оно скатывается на землю по его поверхности. Передъ этимъ же камнемъ у насъ заключаютъ браки и даются клятвы.

Вершина камня была покрыта масляными пятнами, а высокая арча, стоявшая рядомъ, увѣшана вся разноцвѣтными тряпками.

Новидимому, мы стояли передъ древнимъ жертвенникомъ, на которомъ одинъ за другимъ приносили свои жертвы послѣдователи Зороастра, Будды и, наконецъ, теперешнее населеніе горъ, которое, хотя и считаетъ себя мусульманами, принадлежа къ сектѣ измаилитовъ, но въ дѣйствительности, по своимъ вѣрованіямъ и обычаямъ, крайне далеко отъ мусульманства, сохранивъ много обрядовъ, являющихся остатками древнихъ религій.

Ставъ рядомъ съ невѣстою, пріѣхавшій почти одновременно съ нами женихъ двинулся съ нею вмѣстѣ по направленію камня; остановившись передъ нимъ, оба опустили на колѣни и долго стояли такъ, пока старый шахъ, находившійся сзади нихъ, не окончилъ какихъ-то молитвъ, поднимая свои обѣ руки надъ головами молодыхъ и какъ бы призывая на нихъ благословеніе.

Взявъ въ руки большую лепешку изъ пшеничной муки, старикъ въ послѣдній разъ поднялъ ее обѣими руками кверху и долго стоялъ, держа ее надъ своею головою, а затѣмъ, разломивъ на двѣ части, далъ эти куски жениху и невѣстѣ. Почти одновременно съ этимъ нѣсколько старыхъ женщинъ подошли ближе и начали осыпать молодыхъ зернами пшеницы и мукою.

— Теперъ главная часть бракосочетанія закончена и лишь потомъ будетъ обмѣнъ подарками и уплата родителямъ стоимости невѣсты, пояснилъ намъ шахъ. По городамъ, тамъ имама²⁾ и казіи³⁾ пишутъ еще все на бумагѣ, но у насъ здѣсь въ горахъ, тюра, нѣтъ людей, которые умѣли бы писать, а поэтому союзъ, благословенный Милосерднымъ, такъ же крѣпокъ, какъ и записанный въ книгу. Хозретъ Сеидъ Насиръ, да прославится его имя во вѣки, оставилъ намъ свое ученіе, и мы вѣримъ, что всѣ обряды и ихъ исполненіе не важны. Главное же надо всегда помнить Милосерднаго и хорошо во всемъ поступать. Мы не празднуемъ праздниковъ потому, что праздникомъ для человѣка можетъ быть лишь хорошее дѣло. Не держимъ постовъ, такъ какъ настоящій постъ заключается въ воздержаніи отъ дурныхъ мыслей. Кто хочетъ можетъ дѣлать и намазы, но это не важно. У насъ здѣсь нѣтъ мечетей, и мы лишь собираемся къ Пиру⁴⁾, который читаетъ намъ

²⁾ Настоятель мечети.

³⁾ Судья-нотаріусъ.

⁴⁾ Пиръ—наставникъ.

книгу Калами-Пиръ или Ишхаръ, въ которыхъ сказано какъ надо жить людямъ.

Въ кишлакѣ Арзынгъ пришлось обсуждать вопросъ дальнѣйшаго путешествія.

Уходящія въ небо выше облаковъ огромныя снѣговыя горы, тянувшіяся на сѣверѣ, и узкая тропка, извивавшаяся по ближайшимъ предгорьямъ, заставили насъ вначалѣ сильно призадуматься надъ возможностью совершить дальнѣйшую поѣздку верхомъ, вверхъ по теченію притока Хингоу, рѣки Арзынгъ или Гармо, съ шумомъ несущей свои воды, видимо съ большой высоты.

Перевьючивъ нашъ багажъ на трехъ сильныхъ ишаковъ и закинувъ ружья за плечи, сѣли мы на своихъ горныхъ лошадокъ, а проводники-таджики съ длинными палками съ темными наконечниками смѣло двинулись впереди насъ въ дальнѣйшій путь.

— Тяжелая дорога будетъ тюрамъ, сказалъ старый шахъ, провозая. Здѣсь былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ урусъ, но онъ все же вернулся, не перейдя на другую сторону черезъ горы. Врядъ ли и тюрамъ это удастся. У насъ есть люди, которые бывали въ тѣхъ горахъ и знаютъ тамъ тропинки. Изъ нихъ двое вамъ сопутствуютъ и, если нужно, то они помогутъ пройти куда нужно, но только все же, тюра, не забудьте прочитать молитву духу горъ, чтобы онъ былъ благосклоненъ къ вашему путешествію и не разсердился бы за то, что вы нарушаете его покой.

Поднимаясь постепенно все выше и выше по извилистой тропкѣ, мы уже давно оставили за собою полосу засѣянныхъ полей, зеленѣвшихъ ковромъ гдѣ-то далеко внизу.

Кипшлакъ Нашимгаръ еще долго открывался передъ нами, пока и его не заслонили собою новыя гряды горъ, протянувшіяся съ востока на западъ. Колоссальный главный массивъ хребта Петра Великаго все время былъ передъ нашими глазами, поражая свою страшную высоту.

То совершенно темныя, то красноватыя, то сѣрыя горы проходили передъ нами на авансценѣ, а сзади нихъ поднимались бѣлыя шапки снѣговыхъ вершинъ, достигавшихъ высоты до 20 т. футовъ.

Было порядочно свѣжо и вѣтеръ пронизывалъ на высотахъ, не смотря на теплые романовскіе полушубки и войлочные обшитые кожею сапоги.

По мѣрѣ подъема, передъ нами открывались новыя панорамы горъ; то показывался на югѣ Мазарскій хребетъ, то черезъ ущелье

открывался видъ на Алайскія горы, то гдѣ-то далеко на краю горизонта порою вырисовывались Заравшанскія горы.

Мы были уже въ самой серединѣ горной страны и самый острый глазъ нигдѣ на огромномъ разстояніи не могъ открыть равнины, которая осталась далеко на западѣ. Вокругъ царствовала торжественная тишина, прерываемая лишь изрѣдка шелестомъ вѣтра, проносившагося по гребнямъ горъ. Кое-гдѣ виднѣлись одинокія деревья дикихъ яблонь и кустарниковъ боярышника, привольно разросшихся на большой высотѣ. Мѣстами передъ нами вырисовывались отдѣльныя горы съ отвѣсными боками, плоскія вершины которыхъ, покрытыя арчевымъ лѣсомъ, были совершенно недоступны для человѣка.

— Можно подняться на такую гору? спросилъ докторъ таджика, равнодушно смотрѣвшаго на открывавшійся передъ нами горный ландшафтъ.

— Нѣтъ, тюра, нельзя. Отъ самой земли и до верха идетъ стѣна, по которой не влѣзешь. Тамъ наверху живутъ въ лѣсу звѣри, да летаютъ по деревьямъ птицы и лишь одинъ горный духъ носится по такимъ недоступнымъ вершинамъ, а нога человѣка никогда на нихъ не бывала. Иногда можно видѣть, какъ къ самому краю горы подходятъ стада архаровъ и кіиковъ. Имъ привольно жить на этихъ пастбищахъ, не боясь человѣка. Наши многіе охотники пробовали подниматься на такія отдѣльно стоящія горы, но никому это не удавалось, а нѣкоторыхъ духъ горъ, не любящій, чтобы тревожили его покой, сбрасывалъ внизъ на скалы и погибали отважные, не достигнувъ цѣли. Старики говорятъ, что наверху горъ есть много золота и драгоценныхъ камней и вотъ за ними и пробовали подниматься люди. Иногда внизу у подошвы находятъ золото и небольшіе камни алмазовъ и рубиновъ, которые сбрасываетъ сверху горный духъ, чтобы подразнить людей своими богатствами, которыя на этихъ вершинахъ лежатъ горами и ими играютъ дѣти горнаго духа.

Стѣны такихъ горъ поднимались отвѣсно, не имѣя никакихъ карнизовъ и трещинъ. Вывѣтрившіеся бока ихъ, отшлифованные горными вѣтрами, издали казались совершенно гладкими, и лишь вблизи можно было рассмотретьъ пласты камня, въ которыхъ волны древняго доисторическаго моря вымыли углубленія, служащія гнѣздами для птицъ, носившихся вокругъ цѣлыми стаями.

Мѣстами откуда-то сверху выбивался ручей, протекая по стѣнамъ и спадая внизъ журчащимъ водопадомъ, разбѣившимъ мел-

кія капли воды по сторонамъ. Иногда приходилось перебираться черезъ широкіе многоводные каскады, съ шумомъ стремительно несшіея внизъ, увлекая за собою груды камней и песку. Зеленоватые мхи и плѣсень покрывали въ такихъ мѣстахъ стороны ущелья, въ которомъ, благодаря присутствію текущей воды, чувствовалась жизнь, въ ея движеніи, нарушавшемъ окружающее безмолвіе этихъ сѣрыхъ скалъ.

Массы крупныхъ діабазовъ и діоритовъ вперемежку съ кварцевыми мраморными породами покрывали дно ущелій, и эти всѣхъ цвѣтовъ отшлифованные водою камни представляли собою, какъ будто рѣку камней, стекавшую съ горъ, казавшуюся издали сѣрой, а по приближеніи невольно поражающую яркостью красокъ. Среди нихъ кое-гдѣ мелькали небольшіе стекловидные свѣтлые кусочки горнаго хрусталя, зеленоватаго обсидіана и какіе-то красноватые мелкіе осколки.

— Есть ли здѣсь гдѣ-нибудь въ горахъ драгоценные камни, или же ихъ совершенно не находятъ люди, а только говорятъ о ихъ существованіи?

— Да, тюр, есть много камней. Ихъ находятъ иногда люди и затѣмъ продаютъ беку въ Гармѣ или посылаютъ въ Файзабадъ въ Афганистанѣ, гдѣ женщины очень любятъ украшать себя этими цвѣтными украшеніями, думая, что это дѣлаетъ ихъ болѣе красивыми. Только отыскивать ихъ очень трудно; надо знать такое слово, потому что на этихъ камняхъ лежитъ заклятіе и ихъ охраняютъ горные джины.

Давно тому назадъ еще до того времени, когда Хозретъ Али покорилъ всѣ здѣшнія страны, здѣсь жили люди, поклонявшіеся огню; ихъ жертвенники, на которыхъ горѣли вѣчные огни, остались еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но большею частью они разрушены временемъ. Вѣчный огонь принесли ихъ царицѣ темные джины, служившіе Иблису, и они же охраняли престолъ ея. Сказочной неземной красоты была эта царица и поэтому Иблисъ въ веселый часъ заглядѣлся на нее и, принявъ человѣческой образъ, сдѣлалъ ее своею наложницею, удовлетворивъ свою человѣческую страсть. Съ тѣхъ поръ тѣло этой женщины утратило всѣ людскія свойства и сдѣлалось недоступно дѣйствию разрушительныхъ силъ времени, а джины служили ей, исполняя каждое ея желаніе.

И было сильно ея царство, а войска ея покорили всѣ окружающіе народы. Но насталъ часъ воли Милосерднаго...

Въ далекихъ полночныхъ странахъ родился великій Дженгангирь, покоритель всего свѣта Дженгизъ-ханъ. Направилъ онъ свои войска на полдень и скоро покорили они всѣ народы, жившіе въ солнечныхъ странахъ, и, лишь дойдя до горнаго царства, вернулись обратно, не преодолевъ силы джиновъ, защищавшихъ свою царицу.

Узнавъ объ этомъ Дженгангирь, собралъ новыя войска и повелъ ихъ самъ. И не боялся онъ ни джиновъ ни даже самого Иблиса, такъ какъ имѣлъ онъ особый талисманъ, уничтожающій всякую темную силу.

Провожали его въ походъ всѣ люди его царства и всѣ съ радостью, кромѣ его любимой жены. Хотя и была она молода и красива, но боялась, какъ женщина, что чары царицы горнаго царства затуманятъ взоръ Дженгангира; поэтому среди любовныхъ утѣхъ взяла она съ него клятву не оставлять въ живыхъ царицу и привезти ей непременно нѣсколько капель ея крови.

Шли войска Дженгангира и разступались передъ ними джины, какъ только поднималъ онъ руку, въ которой находился талисманъ. Дошелъ онъ и до высокой горы, на которой стоялъ дворецъ царицы. Разсыпались всѣ джины и вошелъ онъ въ середину, гдѣ окруженная слугами на золотомъ кованомъ престолѣ сидѣла сама царица. Больно было даже глазамъ смотрѣть на ея неземную красоту, а она смѣло смотрѣла на входившихъ, вѣруя въ силу Иблиса.

Помнилъ свою клятву Дженгангирь, а поэтому привязалъ онъ талисманъ къ рукояткѣ своей сабли и, подойдя къ царицѣ, размахнулся ею и однимъ ударомъ отрубилъ сказочно красивую голову царицы отъ грѣшнаго ея тѣла. И брызнула кроваво-красная кровь ея во всѣ стороны, но къ удивленію Дженгангира, падая на землю, каждая капля крови окаменѣвала и превращалась въ ярко-красные прозрачные камни. Собралъ онъ нѣсколько камней и привезъ ихъ своей женѣ, сдѣлавшей изъ нихъ свое лучшее украшеніе. А осталъная кровь, просачиваясь сквозъ землю и обращаясь въ ней также въ драгоценные камни, была взята джинами подъ ихъ охрану.

Съ тѣхъ поръ охраняютъ они эти капли грѣховной крови и трудно поэтому людямъ достать ихъ. Самъ знаешь, тюра, за кровь платятъ цѣною крови, а поэтому и достать эти камни изъ глубины горъ очень трудно.

Непривычка къ ходьбѣ по горамъ сильно мѣшала быстротѣ движенія и въ то время, когда наши проводники легко преодолевали высокіе подъемы и еще легче спускались внизъ, мы едва пе-

редвигали ноги отъ усталости, сдѣлавъ за цѣлый день не болѣе 10 верстъ.

Раскинувъ свою палатку въ глубокой сѣдловинѣ подъ защитою высокой скалы, мы развели костеръ. Смолистыя вѣтви арчи давали большое пламя, и яркій огонь костра освѣщалъ всю сѣдловину, благодаря чему всѣ горы внизу тонули во мракѣ. Какія-то сѣрыя ночныя птицы, привлеченныя огнями, носились надъ нами, пролетая съ рѣзкими криками въ вышинѣ и, влетѣвъ въ столбъ дыма, поднимавшагося надъ костромъ, долго въ немъ кружились, разсѣкая его волны своими криками.

— Это, тюрка, души людей, не находящихъ себѣ покоя, жалуются, указалъ на нихъ старикъ-проводникъ, ежась при каждомъ крикѣ птицъ. Всегда такъ, когда человѣкъ умираетъ, вначалѣ его тѣло разрушается и служить удобреніемъ земли, производящей траву, а душа его уходитъ въ землю, откуда переходитъ въ эту траву и долго прислушивается къ прошлой жизни, вспоминая всѣ свои грѣхи; очистившись, она переходитъ въ животное или въ птицу, а уже потомъ, понеся наказаніе, по волѣ Аллаха, въ этомъ видѣ снова входитъ въ рождающагося ребенка и такъ все время. Лишь души святыхъ, очистившіяся при жизни, прямо возносятся къ небу и сливаются съ Аллахомъ, потому-то ихъ памяти и воздаютъ поклоненіе послѣ смерти. Здѣсь въ нашихъ мѣстахъ есть могилы святыхъ на рѣкѣ Ванчѣ, гдѣ похороненъ Хозретъ Садыръ-Саибъ и въ кишлакѣ Кальпъ-Ходжа-Муратъ—Султанъ-Саидъ.

Глава V.

Легенда о живомъ царѣ.

Рѣка Арзынгъ или Гармо шумѣла внизу, и этотъ однообразный звукъ перекатывавшейся черезъ скалы воды навѣвлялъ полное душевное спокойствіе. Нервная система отдыхала, ничѣмъ не возбуждаемая. Усталое послѣ большого физическаго утомленія тѣло требовало отдыха.

— Я слышалъ про вашихъ святыхъ, продолжая бесѣду съ таджикомъ, заговорилъ Ахметъ, но только не знаю, всегда ли помогаютъ они людямъ, если ихъ о чемъ-нибудь просятъ. Наши муллы говорятъ, что больше всѣхъ помогаетъ живой царь, лежащій въ мечети Шахизинда въ городѣ Самаркандѣ. Это большой святой и Аллахъ ни одной его просьбы не оставляетъ безъ вниманія.

— Но почему же ты его называешь живымъ царемъ? спросилъ съ любопытствомъ въ голосѣ таджикъ.

— Видишь ли, живой царь при жизни его на землѣ былъ двоюроднымъ братомъ великому пророку Магомету и назывался Косумъ-Ибнъ-Абасъ. Ему пророкомъ было поручено обратить въ исламъ всѣхъ жителей славнаго Самарканда, которые въ то время были кефирами. Съ мечомъ въ рукѣ, при помощи своихъ храбрыхъ воиновъ, покорилъ Косумъ все Самаркандское ханство и сталъ въ немъ царствовать. Но невѣрные кефиры лишь притворились, что сдѣлались мусульманами, а въ глубинѣ души остались тѣми же невѣрными, которыми были раньше.

Однажды, когда начался Рамазанъ и всѣ правовѣрные заняты были молитвами въ мечетяхъ, собрались кефиры изъ Пенджекента и другихъ горныхъ бекствъ, лежавшихъ вокругъ, и напали неожиданно на Самаркандъ, въ которомъ въ это время не было войскъ.

Отбивались долго ближайшіе слуги и люди Косумъ хана отъ нападеній, запершись во дворѣ мечети. Но увидѣлъ тутъ Косумъ ханъ, что скоро всѣ они будутъ перебиты, а потому, не желая умереть среди кефировъ, бросился онъ въ глубокой колодець Шаабонъ, со дна котораго подъ землею идетъ ходъ въ райскіе сады. Подхватили его ангелы подъ руки, когда онъ падалъ и принесли и посадили подъ райскія деревья, гдѣ онъ живетъ и до сихъ поръ, славя Аллаха и совершая семью семь намазовъ ежедневно.

Благочестивые мусульмане иногда слышатъ изъ этого колодца его голосъ, провозглашающій имя Милосерднаго и подтверждающій, что пѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магомета пророка его.

— А ты не знаешь, ошна (другъ), люди никогда не пробовали опуститься въ тотъ колодець, чтобы пройти въ райскіе сады? съ большимъ интересомъ въ голосѣ спросилъ таджикъ.

— Какъ не пробовать! Многіе хотѣли, но только нападалъ на нихъ страхъ и они отъ этой мысли отказывались, боясь потревожить покой Хозрета Косума, который, творя молитвы, остается до сихъ поръ живымъ и выйдетъ вновь на землю, когда появится на ней пророкъ Иса.

Самъ великій Тимуръ-ханъ слышалъ о живомъ царѣ и онъ захотѣлъ узнать, правду ли это говорятъ люди. Тогда вызвался одинъ человекъ по имени Хида исполнить его желаніе.

Спустился Хида въ колодець, долго шелъ подъ землею, пока, наконецъ, дошелъ до райскихъ садовъ, гдѣ ему выпало великое для мусульманина счастье увидѣть самого Хозрета-Хызру (про-

рока Елисея), котораго также раньше Аллахъ поселилъ въ этихъ садахъ. Еще долго ходилъ онъ въ садахъ, пока не дошелъ до того мѣста, въ которомъ сидѣлъ, творя молитвы, живой царь. Поклонился ему Хида, прося благословенія.

Видѣлъ онъ, какъ въ садахъ носились ангелы и гуляли святыя люди, слушая пѣнїе райскихъ птицъ Хумъ, видѣлъ гурій, прислуживавшихъ святымъ, и многое еще онъ успѣлъ разсмотрѣть.

Благословилъ живой царь Хиду и приказалъ ему вернуться въ Самаркандъ, но только взялъ съ него клятву ничего не рассказывать о томъ, что онъ видѣлъ. Поклялся Хида бородою пророка, сказавъ, что пусть сдѣлается деревяннымъ его языкъ, если онъ проболтается, и пошелъ назадъ, унося радость въ душѣ.

Ждали его прихода люди у колодца и, какъ только онъ показался, сейчасъ же вытащили и повели къ великому эмиру Тимуръхану. Сидѣлъ эмиръ на золотыхъ подушкахъ, положенныхъ на тахту изъ драгоценныхъ камней. Услышалъ онъ, что пришелъ Хида, обрадовался и приказалъ сейчасъ же рассказывать все, что онъ видѣлъ. Испугался Хида пристального взгляда повелителя, долго сначала молчалъ, помнилъ свою клятву, но когда эмиръ сказалъ, что дастъ ему столько земли, сколько онъ сможетъ объѣхать въ одинъ день, не выдержалъ его болтливый языкъ такого искушенія и сталъ Хида рассказывать все, что видѣлъ.

Записали мирзы всѣ его слова на память людямъ и возрадовался великій эмиръ, услышавшій, что живъ его предокъ живой царь, который вѣчно молить Аллаха о милосердіи къ своимъ потомкамъ. Объявилъ онъ Хидѣ, что дарить ему столько земли около Самарканда, сколько сможетъ онъ объѣхать въ одинъ день отъ восхода до захода солнца.

Выбралъ тогда Хида лучшаго коня и, какъ только стало всходить солнце, поскакалъ на западъ, все время стараясь объѣхать какъ можно больше. Къ полудню утомился его конь, а къ вечеру уже не могъ онъ идти дальше и упалъ мертвымъ. Но не остановился Хида. Побѣжалъ онъ дальше пѣшкомъ, стараясь захватить еще и еще больше земли до заката солнца.

Бѣжалъ безъ остановки, пока не показался кровавый потъ у него изъ тѣла. И снова не остановился Хида и въ то время, когда край солнца заходилъ за горы, добѣжалъ онъ, наконецъ, до того мѣста, откуда вышелъ. Но только что хотѣлъ отъ большой радости провозгласить имя Аллаха, какъ отнялся у него языкъ. И сдѣ-

лался онъ богатымъ, но нѣмымъ на всю жизнь. Такъ наказалъ его Аллахъ за неисполненіе клятвы, данной живому царю.

Настало довольно долгое молчаніе; таджикъ сидѣлъ, видимо пораженный чудеснымъ рассказомъ. Наконецъ, какъ будто вызвавъ изъ своей памяти воспоминаніе о давно слышанномъ, онъ заговорилъ.

— Большое чудо ты рассказалъ намъ, но только, хотя мы живемъ въ глухихъ горахъ, и у насъ также есть такой Хозреть. Зовутъ его Ша-Насырь. Онъ также, когда передаль людямъ свою вѣру, ушелъ въ глубокую пещеру, входъ въ которую находится около кишлака Ёомгонъ въ Бодакигнѣ, но потомъ прошелъ подъ землю въ дальній Читраль и живетъ подъ землею сотни лѣтъ и выйдетъ изъ своей пещеры только тогда, когда на всей землѣ люди сдѣлаются хорошими и добродѣтельными.

Г л а в а V I.

Горныя пустыни.—Медвѣдь.

Держа направленіе параллельно рѣкѣ, мы уже давно шли по едва замѣтной тропкѣ, протоптанной козами, поднимающимися почти до самой полосы снѣговъ, въ розыскъ себѣ корма.

Травы мѣстами зеленѣли пушистымъ ковромъ, поражая своею густотою и сочностью. Горныя панорамы смѣняли одна другую, и мы то видѣли темные, покрытые кустарниками, хребты, то за ними выступали снѣжныя горы, съ вершинъ которыхъ дулъ холодный ледяной вѣтеръ. Яркій блескъ снѣга рѣзалъ глаза. Слегка оттаявшіе подъ лучами солнца, а затѣмъ снова замерзшіе снѣга на вершинахъ горъ, превратившись въ ледяную кору, отсвѣчивали бѣловато-матовымъ свѣтомъ. Будто сахарныя головы поднимались нѣкоторые остроконечные пики, достигая огромной величины нѣсколькихъ верстъ отъ уровня океана.

Погода, бывшая все время хорошею, стала портиться и порою моросилъ мелкій дождь, дѣлавшій почву вязкою. Выше же насъ разстилавшихся напротивъ горахъ видно было, какъ шель снѣгъ и бушевала снѣжная метель, закрывавшая иногда совершенно непроницаемою пеленою ихъ вершины.

Сложная, запутанная система горъ не давала возможности точно уяснить себѣ ихъ направленіе и онѣ казались совершенно сли-

вающимися вмѣстѣ, образуя альпійскую горную страну, на высотахъ которой не замѣтно было никакой жизни, и имѣя видъ полярной свѣжной пустыни, гдѣ лишь привольно носятся вихри, завывая въ недоступныхъ ущельяхъ и долетая до долинъ, приносятъ съ собою ледяной холодъ.

Небольшіе кишлаки Богуть, Накъ, Рога и Дарантоль, состояшіе изъ нѣсколькихъ сакль, были расположены довольно высоко надъ рѣкою, причемъ почти каждый кишлакъ, по обычаю таджиковъ, состоялъ изъ двухъ одноименныхъ кишлаковъ, одинъ наверху въ горахъ, а другой внизу. Въ зависимости отъ этого расположенія они носили названія Бола (верхній) и Паянъ (нижній), которыя и придавались къ наименованіямъ ихъ Богуть-Бола, Богуть-Паянъ и т. д.

Цѣлый рядъ небольшихъ рѣчекъ и ручьевъ, впадающихъ въ рѣку Арзынгъ и берущихъ свое начало въ горахъ Мозарскихъ и Петра Великаго, пересѣкали нашу дорогу, заставляя то спускаться внизъ къ водѣ, то подниматься снова на высоты.

Рѣки Рога, Бурса и Горсканъ по количеству воды не велики и не представляли никакихъ трудностей для переправы, но зато дальше рѣки Бурны и Сугдунъ, отличавшіяся многоводностью и быстротою теченія, при значительной мѣстами глубинѣ, являлись довольно серьезнымъ препятствіемъ.

Съ большимъ трудомъ, борясь съ сильнымъ теченіемъ, несимъ съ собою много камней, перебрались мы черезъ быстрину, порядочно промочивъ свое платье.

— Это, тюра, еще ничего. Иногда, когда вода прибываетъ сразу, такъ совершенно нельзя переѣхать. Глубоко очень и теченіе такое сильное, что сваливаетъ лошадь. У насъ много людей въ этихъ рѣкахъ смерть свою находятъ. Подѣдетъ къ берегу, видитъ—немного воды, а только въѣхаль—въ это время прибудетъ волна воды такая высокая, какъ стѣна, и свалитъ лошадь съ всадникомъ. А тогда уже нѣтъ спасенія: быстро разобьетъ рѣка о камни и найти такого человѣка нельзя—унесетъ его вода въ Арзынгъ, а оттуда въ Хингоу. И лишь память о пемъ останется. Былъ и исчезъ.

Въ кишлачкахъ виднѣлись талы, а по склонамъ горъ вырисовывались заросли различныхъ кустарниковъ, окаймлявшихъ довольно значительные террасообразные склоны горъ, на которыхъ зеленѣла густая сочная трава. Еще ниже лежали небольшія полоски обработанной земли. На нѣкоторыхъ хребтахъ поднимались

довольно крупныя деревья арчи, краснѣвшія своими стволами, а дальше къ нашему глубокому удивленію стали встрѣчаться цѣлыя куртины березъ, придававшихъ этимъ мѣстамъ какой-то особенно родной и близкій видъ.

Докторъ даже слѣзъ съ лошади и, подойдя къ развѣистой березѣ, любовно погладилъ ея бѣлый стволъ.

— Какъ ни говорите—родная.. для меня, произнесъ онъ, снова сядя на лошадь. Въ дѣтствѣ я каша изъ нея слѣлъ порядочно. Въ мое время въ семьяхъ по глухимъ мѣстамъ Россіи любили очень ее прописывать въ хорошихъ порціяхъ, увѣряя, что она способствуетъ росту дѣтей и искореняетъ и лѣнь и дурныя мысли. Хотя прошло съ тѣхъ поръ почти лѣтъ сорокъ, а все же не могу равнодушно смотрѣть—много вызываетъ воспоминаній. Это русское дерево—печальное, какъ и вся жизнь нашей глухой деревни. Теперь новое поколѣніе вырастаетъ подъ другими впечатлѣніями.

Бывшій съ утра ясный день измѣнился и откуда-то съ вышины потянулось густое облако тумана, закрывшее плотною пеленою окрестности. Ъхать сдѣлалось трудно и, пройдя еще съ версту, пришлось поневолѣ сдѣлать остановку.

— Здѣсь, тюра, можно на низу стать, указалъ Ахметъ на закрытую со всѣхъ сторонъ горами полянку, въ которую вело узкое извилистое ущелье.

Родникъ хрустально-прозрачной воды выбивался изъ-подъ огромной скалы и, образовавъ глубокій водоемъ, съ громкимъ журчаніемъ спадалъ ниже по камнямъ.

Привязавъ лошадей на длинныя арканы невдалекѣ отъ нашего становища, мы развели огонь и, укрывшись отъ сырости бурками, рѣшили на этомъ мѣстѣ переночевать, такъ какъ, пока не пройдетъ туманъ, ѡхать по горной тропѣ было трудно и опасно.

Довольно густая заросль боярышника и шиповника росла по крутому заднему скату горы, образуя опушку лѣска, за которой не было ничего видно. Дымъ поднимался столбомъ къверху и, смѣшавшись съ туманомъ, висѣлъ пеленою, какъ крыша, благодаря чему скоро на небольшой полянкѣ сдѣлалось совершенно тепло.

Но чѣмъ дальше, тѣмъ туманъ все больше и больше сгущался, а затѣмъ пошелъ сильный дождь, застучавшій по камнямъ и по полотну маленькой палатки, въ которой, согнувшись и накрывшись бурками, мы лежали, смотря на огонь костра. Постепенно костеръ заливало дождемъ и скоро темнота окутала всю полянку. Лишь маленькій огонекъ папиросъ указывалъ на присутствіе людей, но и то

усталость скоро взяла свое разговоры прекратились и настала тишина.

Я дремалъ и какіе-то обрывки мыслей проносились въ памяти, вызывая картины далекаго прошлаго. Будто укачиваемый на волнахъ, мнѣ казалось, что я медленно плыву въ пространствѣ. Постепенно движеніе сдѣлалось быстрѣе; какой-то бурный вихрь подхватилъ и закружилъ меня, поднявъ на высоту. Я уже чувствовалъ, что стремительно лечу куда-то внизъ на страшныя скалы. Еще мгновеніе и должно послѣдовать паденіе на нихъ. Безконечная тоска охватила меня передъ сознаниемъ этой неизбѣжности. Одинъ мигъ и сильный ударъ заставилъ меня громко вскрикнуть и вскочить разомъ на ноги, ударившись головою о полотно и веревку палатки. Но въ это время сверху что-то съ шумомъ упало, сваливъ снова съ ногъ. Бормоча совершенно непонятное и охвативъ меня руками, рядомъ барахтался докторъ, а совсѣмъ близко слышались крики ужаса нашихъ людей.

Запутавшись въ полотнѣ упавшей палатки и освобождаясь отъ навалившейся сверху тяжести, съ большимъ трудомъ мнѣ, наконецъ, удалось выбраться и встать на ноги.

Не было видно ни зги. Вокругъ чернѣла непроглядная темнота. Спина и бокъ мучительно ныли. Минуту спустя освободился докторъ и, наткнувшись на меня, заоралъ благимъ матомъ.

— Что съ вами Н. Н.? спросилъ я, еще не будучи въ состояніи дать себѣ отчетъ въ происшедшемъ.

— Что за чортъ, да это вы! слышался радостный голосъ моего спутника. А я думалъ не вѣсть кто... Да что собственно случилось? Въ чемъ дѣло? съ недоумѣніемъ задалъ онъ вопросъ.

Ахметъ! Ахметъ! черезъ минуту заоралъ онъ снова, желая узнать, гдѣ наши люди.

Но почти одновременно раздался совсѣмъ рядомъ голосъ Ахмета, кричавшаго съ такимъ ужасомъ въ голосъ: шайтанъ! кеты (дьяволъ прочь) шайтанъ! что мы сейчасъ же кинулись въ темноту на эти крики, но тутъ же, столкнувшись съ бросившимся неожиданно на встрѣчу Ахметомъ и еще кѣмъ-то, снова очутились на землѣ, барахтаясь и поднимаясь, снова опрокидывали другъ друга, чувствуя въ нашемъ клубкѣ живыхъ тѣлъ присутствіе чего-то до нельзя страшнаго, мохнатого и безконечно сильнаго.

Лишь послѣ долгихъ усилій удалось, освободившись отъ цѣпкихъ объятій Ахмета, подняться на ноги. Я началъ шарить вокругъ и, найдя полотно упавшей палатки, съ трудомъ разы-

скаль подъ нею фонарь, зажегъ въ немъ свѣчу и освѣтилъ нашу стоянку.

Съ блѣднымъ, мѣловымъ лицомъ и трясущимися руками, весь испарянный, въ крови, стоялъ Ахметъ рядомъ съ докторомъ, имѣвшимъ сильно переконфуженный и помятый видъ.

— Что такое, однакоже, случилось? спросилъ я Ахмета.

— Ахъ, тюра, нехорошо. Очень нехорошо. Шайтанъ приходилъ; я самъ его видѣлъ и онъ меня сзади кусалъ, показалъ онъ изорванную спину своего халата, изъ котораго выбивались клочки ваты.

Немного успокоившись, мы принялись осматривать ущелье. На мокрой землѣ мѣстами впадѣлись слѣды, похожіе на людскіе, но съ длиннымъ отпечаткомъ когтей, а на нашей палаткѣ было навалено порядочное количество земли, очевидно, упавшей сверху. Слѣды же, пройдя по дну полянки, вышли наружу и направились по склону горы въ близъ лежащую заросль.

Разсмотрѣвъ внимательно слѣды и поднявшись наверхъ, гдѣ осмотрѣли край ущелья, я долго не могъ все-таки уяснить себѣ въ чемъ дѣло, пока докторъ не открылъ этой Америки.

— А вѣдь это конечно звѣрь и, судя по его слѣду, я опредѣленно скажу—медвѣдь.

Очевидно онъ былъ привлеченъ запахомъ остатковъ плова и, подойдя къ краю обрыва, свалился на насъ, вмѣстѣ съ обвалившейся нависшей съ краю землею. Я думаю, что онъ самъ испугался не меньше нашего и теперь отъ страха забѣжалъ куда-нибудь въ недосыгаемую высь. Здѣсь же, сколько слышалъ, этого звѣря много. Они небольшого роста, съ черною косматою шерстью и по характеру очень злые. Хорошо, что пострадало немного лицо и халатъ Ахмета.

Долго спустя показались наши проводники, съ испуга выбѣжавшіе изъ ущелья и спрятавшіеся за камнями. Сильно переконфуженные своимъ побѣгомъ, они въ одинъ голосъ вначалѣ утверждали, что былъ Иблись, но затѣмъ, увидѣвъ слѣды, начали перекоряться между собою, а затѣмъ уже подтвердили, что они дѣйствительно принадлежатъ медвѣдю, которые въ большомъ количествѣ водятся въ горахъ, но на людей почти никогда не нападаютъ.

Дождь пересталъ и туманъ сѣлъ на землю. Въ воздухѣ чувствовался порядочный холодъ. Докторъ, смывъ кровь съ лица Ахмета и убѣдившись въ незначительности царапинъ, сдѣлалъ ему пере-

вязку. Съ трудомъ возстановили мы порядокъ въ своемъ становищѣ, собравъ всѣ разбросанныя вещи и поставивъ снова палатку, но долго не могли заснуть.

Проводники перекорялись съ Ахметомъ, а мы невольно смѣялись другъ надъ другомъ, вспоминая наше трагикомическое приключеніе.

Д. Логофетъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

